

Лесная индустрия Дальнего Востока: остался ли за деревьями лес

В.К. ЗАУСАЕВ, доктор экономических наук, директор ДальНИИ рынка,
Хабаровск. E-mail: zausaev_inst@mail.ru

Рассматривается современное состояние лесной индустрии Дальнего Востока, характеризующееся исчерпанием концентрированных экономически доступных лесных ресурсов. Формулируется комплекс основных проблем, требующих решения, для превращения отрасли в важнейшую воспроизводственную сферу экономики Дальнего Востока.

Ключевые слова: Дальний Восток, лесная индустрия, лесные ресурсы, сырьевая специализация, лесопереработка, внутренний рынок, ценообразование, стратегия развития

По образованию инженер-механик лесной промышленности (окончил в 1969 г. Хабаровский политехнический институт), 20 лет отдавший лесной экономике, не могу без содрогания смотреть на некогда крупнейшую отрасль специализации Дальнего Востока. Есть ли у нее перспектива? Что надо делать?

Несостоявшийся ренессанс переработки

За последние годы по Дальнему Востоку приняты два очень важных политических документа: Стратегия развития и Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года». Обозначен вектор движения в направлении формирования постоянного населения на основе трудосберегающей инновационной экономики. Одним из механизмов реализации этих идей должны стать отраслевые подпрограммы, в частности, по развитию лесопромышленного комплекса. От того, насколько компетентно такая программа будет проработана, зависит будущее важнейшей воспроизводственной отрасли регионального хозяйства.

Особенность ее основы (в отличие от многих других природных ресурсов) – самовосстановимость и многофункциональность. Сегодня в большинстве лесопромышленных стран активно используются эти свойства. Искусственное воспроизводство стало главным направлением повышения

продуктивности лесов. Недревесные полезности (грибы, ягоды, лекарственные растения, природоохранные и рекреационные функции и др.) зачастую первенствуют в оценках сравнительной эффективности лесопользования.

К сожалению, в России лесная индустрия переживает не лучшие времена, что отметил и президент РФ В.В. Путин на президиуме Госсовета в Улан-Удэ: «Огромный экономический потенциал лесного сектора не реализован. Вклад отрасли в ВВП лишь 1,6%. В целом отрасль находится в критическом состоянии»*.

Это относится и к лесной отрасли Дальнего Востока. Располагая четвертой частью лесных ресурсов страны, сопоставимых в количественном отношении с запасами ведущих лесопромышленных держав (США, Канада, Китай и др.), она вносит ничтожно малую лепту в экономику региона. А еще недавно лесопромышленный комплекс региона мог гордиться не только высокоразвитой лесозаготовительной промышленностью, но и разнообразной лесопереработкой, отлаженным лесным хозяйством, машиноремонтными предприятиями, проектными и научно-исследовательскими кадрами. Он успешно поставлял продукцию на самый дорогой японский лесной рынок, получая по компенсационным соглашениям высокопроизводительную лесозаготовительную и дорожно-строительную технику.

Правда, отрасль и тогда отличалась сырьевой специализацией. Низкая производительность труда не позволяла развивать высокие переделы. Максимальная рента складывалась на лесозаготовках. Углубление переработки (лесопиление, фанерное и целлюлозно-бумажное производства) безжалостно ее «съедало». Но был внутренний рынок. До 60% всей производимой на Дальнем Востоке лесопродукции потреблялось здесь же (строительство, мебельное и тарное производства и др.), около 10% вывозилось в западном направлении (среднеазиатские республики, Поволжье, Северный Кавказ). Остальное шло на экспорт. Значительные объемы низкокачественной древесины перерабатывались в плитных, гидролизных

* Латухина К. Двойка за волокиту // Российская газета. – 2013. – 12 апр. № 80. – С. 2.

и целлюлозно-бумажных производствах. Именно внутреннее управляемое лесопотребление позволяло более рационально использовать лесосечный фонд.

Начало рыночных преобразований, приватизация лесопромышленных предприятий могли бы стать ренессансом отрасли. Доллар за 1992 г. подорожал в 332 раза. А значит – за тот же объем древесины уже в декабре того года лесопромышленники получали в сотни раз больше выручки в рублевом исчислении, чем в январе. В последующем рост курса продолжился: 1993 г. – 4,8 раза, 1994 г. – 2,4 раза, 1995 г. – 2,1 раза. И несмотря на то, что от этой сверхприбыли многие отрасли «отщипывали» себе (железнодорожники, банкиры, энергетики и др.), у лесозаготовителей оставалась хорошая маржа. При конструктивном подходе можно было бы начать пресловутую структурную перестройку отрасли. Но, как говорил русский философ И. Ильин: «Частная собственность означает самостоятельность и самостоятельность человека: нельзя исходить из предположения, что каждый из нас “от природы” созрел к ней и умеет ее осуществлять в жизни».

К сожалению, практика показала, что в Хабаровском крае «созревших» не оказалось. Но они на Дальнем Востоке были. Например, в Приморском крае благоприятную экономическую конъюнктуру использовали менеджеры-собственники ОАО «Тернейлес». Построено четыре высокотехнологичных перерабатывающих комплекса (которые теперь работают на привередливый японский рынок). Вузы выпустили для него десятки молодых высокопрофессиональных специалистов, осуществляется лесная сертификация, проведена техническая модернизация производства. И все это происходило в то время, когда в Хабаровском крае банкротились перерабатывающие предприятия.

Наши исследования в начале 2000-х годов показали объективные сложности развития лесопереработки. Были предложены меры по ее стимулированию. Губернатор Хабаровского края В.И. Ишаев в 2003 г. издал специальное постановление «О применении коэффициентов к минимальным ставкам платы за древесину, отпускаемую на корню, на территории Хабаровского края». Это был ценовой механизм: предприятия, поставляющие древесину деревообрабатывающим

производствам, платили меньшую корневую цену. К сожалению, действовал он недолго – из-за несоответствия действующему Лесному кодексу (по установлению размеров попенной платы) был отменен.

Но задача углубления переработки оставалась, и в 2007 г. постановлением правительства России вводятся повышенные таможенные пошлины на экспорт необработанной древесины. Подобные меры апробированы в мировой практике. Применяются даже административные запреты на экспорт необработанной древесины, например, в США при рубке лесов, находящихся в федеральной собственности. Но там есть и частные леса, собственник которых распоряжается ими по своему усмотрению. В результате экспорт необработанной древесины в ту же Японию в начале 1990-х годов из США доходил до 10 млн м³ (против 4 млн м³ из СССР). В России же все эксплуатационные леса – в государственной собственности, и возможностей для маневра после принятия подобного постановления не было.

Помню дебаты в преддверии его принятия. Эксперты говорили о последствиях столь радикальных мер: сокращении налогооблагаемой базы, потере высокодоходного японского рынка, снижении эффективности лесного сектора и обострении социальных конфликтов в трудовых коллективах и др. А главное – сохранялась повышенная затратность деревообработки, которую определяли не только объективные условия хозяйствования, но и политика отечественных монополистов (железнодорожников и энергетиков). Однако новые «генералы» бывшего «Дальлеспрома» – RFP Group – били себя в грудь и доказывали целесообразность подобного решения. Советники при правительстве края были на их стороне. Строились планы возрождения Амурского целлюлозно-картонного комбината, были выплачены большие деньги на подготовку технико-экономического обоснования. Высказывался негативно по этому вопросу. Ведь бывший ЦКК даже при директивной экономике не вышел на проектные мощности – не хватало сырья. Чтобы не срывать планы, по указанию крайкома партии на комбинат везли высококачественный пиловочник, что было верхом бесхозяйственности. О каком же комбинате с еще большей мощностью (2,5 млн м³ по

сырью) можно говорить сейчас, когда леспромхозы (поставщики сырья) стали частными предприятиями?! Каждый живет своим бизнесом, да и сырьевая база существенно ухудшилась: 60-летний период интенсивных рубок и пожаров не прошел бесследно.

Сама идея углубления переработки лесных ресурсов – безусловно здравая: действительно, чем глубже переработка, тем выше уровень развития лесопромышленного производства. Но везде в мире это экономически оправданно, то есть эффективно. В наших условиях – нет. Значит, надо эти условия менять. А как?

Россия вступила в ВТО. Опять же, в принципе, правильное решение. Вон Китай, вступил раньше нас, и получил значительные преимущества. Но в Китае тоже видят свою выгоду от нашего вступления: рабочая сила у них дешевле, тарифы на электроэнергию и транспорт – ниже. Значит, с точки зрения экономического смысла, выгоднее и нам и им, чтобы мы поставляли туда сырье, а от них получали готовую продукцию. Что мы и делали все прошедшие годы, призывая себя кардинально изменить ситуацию. Но воз и ныне там, ибо экономические законы не обманешь. С вступлением в ВТО Китай глобализировался. А от глобализации выигрывает только сильный.

Те лесопромышленники, которые поверили правительственным чиновникам и вложились в лесопереработку, сейчас схватились за голову: как жить дальше, если себестоимость продукции в разы опережает цену рынка?! Как вернуть кредиты, которые гарантировало краевое правительство? Как строить взаимоотношения с трудовыми коллективами при задержках заработной платы? Думаю, все эти проблемы решаемы, хотя тех больших денег, которые получили лесники-олигархи в период первоначального накопления капитала, уже не будет. Время бесплатного сыра (всеобщая приватизация) закончилось. Новому поколению лесопромышленников придется жить в более суровых условиях и решать все те же проблемы.

Другой подход, другое мировоззрение

Первая проблема – отсутствие концентрированных лесных ресурсов. На Дальнем Востоке эффект масштаба в какой-то

степени нивелировал объективное удорожание. Сегодня из-за отсутствия больших, высокопродуктивных лесных массивов невозможно строить крупные предприятия. Значит, надо восстанавливать лесные ресурсы. И не только проверенным традиционным способом, который называется содействием естественному возобновлению. Нужно расширять до промышленных масштабов искусственные посадки на юге региона. Тем более что опыт промышленного плантационного лесовыращивания в регионе есть: посадки хвойных пород на южном Сахалине в период владения им Японией (1905–1945 гг.). Посаженные в 1920-х и 1930-х годах культуры достигли зрелого возраста и были в последующем вырублены.

Наши хвойные породы вполне можно рубить в 50–60 лет. Но это **не только другая лесохозяйственная и лесопромышленная политика, но и другое мировоззрение: долгосрочная аренда (концессии на 60–70 лет), уважение к концессионной собственности, высокая культура природоохранной деятельности и многое другое.** Спрашиваю американских лесных профессоров: «Как началось искусственное восстановление в США?». Оказывается, в начале XX века у них все было, как у нас – неконтролируемые интенсивные лесные рубки. Потом правительство обеспокоилось подобным состоянием дел и запретило в массовом порядке продавать леса в частную собственность. Лесопромышленники вынуждены были начать искусственное лесовоспроизводство. Создавались различные рыночные институты, стимулирующие и охраняющие собственников новых насаждений. Но человеческий фактор и здесь сыграл свою роль. Первыми откликнулись на новую лесную политику скандинавы. Оказывается, у них «с молоком матери» формируется идеология: срубил одно дерево – посади два. Нам это еще предстоит воспитать. Есть информация, что малазийская компания «Римбунан Хиджау» планирует начать плантационные посадки. Здорово!

Вторая проблема – восстановление внутреннего рынка. И начинать надо с малоэтажного деревянного домостроения. Оно должно стать фирменным знаком Дальнего Востока, так как **речь здесь идет не только о доме-жилье, а о крупном социальном движении, соединяющем энергию общественного и личного факторов развития.** Общественный

фактор – это стремление сделать российский Дальний Восток местом, достойным проживания сильного и культурного народа, а личностный – желание каждого человека создать на этой земле Свой Дом – как колыбель родового (фамильного) гнезда. Формирование постоянного населения, о чем прописано в Стратегии развития Дальнего Востока, надо начинать с этого.

Проект «Дом дальневосточника» должен включать меры всесторонней государственной поддержки индивидуального строительства усадебного типа, со значительным расширением земельных участков для использования под жильё, хозяйственные постройки и производство сельскохозяйственной продукции. Необходимы нормативные документы долгосрочного кредитования индивидуального строительства, критерии отбора льготников, специальные фонды финансирования. В конечном счете, государство должно взять на себя половину затрат на его строительство. Эти идеи прописаны в проекте федерального закона «О социально-экономическом развитии Дальнего Востока и Байкальского региона». Хорошо бы его принять и начать реализовывать.

Мебельная промышленность традиционно развивалась на Дальнем Востоке, но рынок выявил ее неконкурентоспособность. А в Китае из нашей древесины мебель производится и поставляется в Японию, США и другие высокоразвитые страны. Был на небольшой мебельной фабрике в Харбине. Выпускаются столы для разделки мяса из березового клееного бруса. Сырье в виде низкосортных березовых балансов завозят из Красноярского края, готовую продукцию везут в Германию. Все эффективно. Оказывается, при конструктивном подходе и встречные перевозки не помеха.

Третья проблема – ценообразование в монополиях. Противозатратная политика должна стать здесь стержневой. И начинать надо с ограничения неумеренного зарплатного аппетита монополистов, которые управляют государственной собственностью. Значит, жиреют на нашем богатстве. О каких качестве и производительности труда можно говорить, например, на железной дороге, если зарплата высших менеджеров

в десятки раз превышает зарплату машинистов поездов, от которых зависят жизнь сотен людей и сохранность миллионов грузов?

Надо вернуться к ценовому стимулированию развития лесопереработки. Повышение цены леса на корню и возврат ее на объем переработанной древесины позволят более плавно строить новую структуру отрасли. Это будет гибкая, отвечающая требованиям ВТО система. Финансовые ресурсы тогда останутся в регионе, а не будут уходить в центр.

Нужна научно проработанная стратегия развития лесной индустрии Дальнего Востока и его субъектов. В каждом она имеет свои особенности. Единый определяющий перспективу развития отрасли документ позволит строить долговременную политику внешнеэкономической деятельности, размещения производства, формирования внутреннего рынка, оптимизировать взаимоотношения с монополистами.

Наконец, необходимы **восстановление престижа лесных специальностей, возрождение лесной науки.** Следует расширять перечень лесных специальностей в Тихоокеанском государственном университете – единственном в регионе имеющем соответствующую материальную базу. Некогда созданный в Хабаровске Дальневосточный НИИ лесной промышленности в период рыночных реформ закрылся. А он также необходим.

Накопившиеся проблемы развития лесного комплекса Дальнего Востока требуют обсуждения и с жителями региона. Может быть, целесообразно провести съезд сведущих в лесном деле людей и коллективным разумом сформулировать пути движения отрасли?

Зеленое море тайги – богом данное богатство Дальнего Востока. По большому счету мы только начинаем понимать его глобальное значение не только для региона и страны, но и Северо-Восточной Азии. Лесная отрасль способна быть производственной основой регионального хозяйства, но только в том случае, если окажется в руках новых созидательных лесных собственников, а государство как собственник этого богатства определит правильный вектор движения.